

ЧЕРЕМИСИН КЛЮЧ

Роман

Это произведение — о судьбе Лариона Черемисинова, внука и сына уральских раскольников, жившего в екатерининскую эпоху. Пройдя путь от простого солдата до воеводы четырех сибирских городов, он стал участником многих исторических событий, в которых фигурировали императрица Екатерина II, генерал-прокурор сената Вяземский, светлейший князь Потемкин, заводчик Никита Демидов, губернаторы Бриль и Немцов. Деятельность Черемисинова отличалась большим размахом, исключительной честностью, искренним желанием оберегать крестьян и ясных от произвола властей; неоценим его вклад и в хозяйственное освоение Сибири, и в утверждение общественной нравственности.

Все документы, приводимые автором, — подлинные и взяты из архивов РФ.

К числу первичных свойств русского народа, вместе с религиозностью, исканием абсолютного добра и силою воли, принадлежит любовь к свободе, и высшее выражение ее — свобода духа.

Н. Лосский,
русский философ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

По заснеженной Лене неслась тройка. Веселый звон колокольчиков будоражил сон прибрежных гор.

Ямщику не терпелось поговорить с воеводой Черемисиновым, сидящим в кошеве с канцеляристом Баевым. Он обернулся, комкая белый воротник шубы, весело стрельнул глазами.

— Глядите, Ларион Михайлович, это Чангакан. По-тунгусски будет «Царь», — громко крикнул он и показал кнутовищем на дальний утес, подступивший справа к реке.

Разглядывая крутолобую гору, Ларион удивился:

— Что-то снегу на вершине нет.

— Сдуло ветром или снесло с россыпью. А на кромке ничего не видите?

— Не-е... Камни только.

— Березка там стала расти. Прямо в камни вцепилась. Чудом держится.

— А-а... Вижу...

— Зимой она мало приметна. А весной зазеленеет — такая расхорошая. А напротив Чангакана, на левой прилуке, деревня Усть-Иленга. Живет там девка — красоты несусветной.

Воевода не ответил. Слово «Усть-Иленга» прожгло его молнией. Плохо слушающимися пальцами расстегнул на груди козыю доху.

— А что значит «Иленга»? — обернулся к Ивану Баеву.

— По-тунгусски это речка — быстрая, каменистая, галечная...

Ларион тяжело вздохнул. Неужто он и впрямь встречался с Иленгой? Видел ее голой? Не сон ли это?..

Качнулось пламя светильника, и с хлынувшими клубами пара в дверях появилась тунгуска... Волосы у нее были взвихренные и руки вихрились, когда бросала на лавку кофту, кожаные штаны, чекульмы с ноговицами.

— Гляди всю, воевода-капитана... — она задорно засмеялась. — Я шибко беда красивая... — черные глаза тунгуски прицелились неумолимо и пронзительно. Ласковость тонких рук, протянутых к нему, ощутил Ларион. — Искудай меня, холерный, окаянный...

Эту картину перебивает ямщик:

— Взглянешь на Аринку, и все невзгоды как рукой снимет. От нее сияние идет, словно от ангела... Раз угостил ее орешками, и она улыбнулась, да так мило, что век буду помнить. Кого-то осчастливит она в жизни...

Воевода никак не откликнулся, и ямщик обиженно умолк, подумав: «Наверно, жена у него тоже не из последних».

«О ком это рассказывал ямщик? — очнулся Ларион. — Мало ли пригожих девок на свете? Орехами, говорит, угостил... Орехи — девичьи потехи... Вот Иленга — огонь!» — вновь угарно вспомнилась ему тунгуска.

* * *

Впервые Ларион увидел Иленгу три месяца назад, когда ехал из Иркутска к месту своего назначения — в город Илимск.

Бежала встречь дорога, будто оскорбленная топотом копыт. Три подводы, одна за другой, мчались на север по изумрудно-зеленой ангарской пабереге. На первой — в рессорном фэтоне — ехали Черемисиновы. За ними следовала кибитка, в которой дремали Фекла и Санжиб, их слуги. Последними двигались трое илимских солдат, доставивших в Иркутск подследственных по какому-то уголовному делу; старшим был седоусый капрал с «ленским выговором» — вместо «с» употреблял «ш».

День был отменный. Посверкивала Ангара, по ней плыла вниз черная крытая лодка с белым, как рубаха на просушке, парусом.

— Обогнать ее надо! — по-озорному кричит Ларион ямщику. — Ну-ка, пришпарь!

— Это можно, — охотно откликается ямщик Ивашка Горяшин, молодой и разбитной, очень довольный тем, что везет большого начальника. — Н-но! Грабят! — взмахнул он кнутовищем.

Тройка лошадей ускоряет бег, но белое пятно приближается вяло — стремительная Ангара резво несет лодку по течению.

— Шильно шпешим, — ворчит капрал.

Крутобокие, похожие на застывшие волны, холмы тянулись бесконечно. Их оживляли прилипшие к ним юрты, возле которых важно ходили буряты в красных халатах. К дороге подбегали узкоглазые, упитанные ребятишки. Вдали виднелись табуны лошадей и овечьи отары.

Санжиб вспомнил калмыцкую степь, кибитку, которую накрывали кошмой и рогожей из камыша. В центре ее таган, котел, голые дети у огня... С конца зимы и до первого снега кочевали с сородичами. В худуках¹ пили беловатую, солено-горькую воду. На одном месте не держались больше двух недель. Ловили верблюдов, нагружали их кибитками вместе с жердями и решетками и двигались дальше. На верблюдах качались мешки и кораба, обложенные кошмой и овчинами, из них торчали головы калмычат. А впереди расстилалась степь, украшенная багряно-черными тюльпанами. «Китайса на мой хотон² напал. Вся семья перебил...» — пасется в голове полынно-горькая мысль. Встречный ветер сушит в его глазах слезы...

Подъехали к говорливой речке Обусе, возле нее было много юрт.

— Тут крепкий тарасун сидят,³ — смеется Ивашка, — как выпьешь, так сразу все песни забудешь... А вообще братские⁴ — народ с хитрецей. Спросишь у них: у вас такой-то живет? — и ответят расплывчато, вроде того, что нись тут, нись нет...

Возле юрты, принадлежащей старшине, сидел на бревне ветхий, в паутине морщин старик, по-видимому дежурный, он раскуривал трубку, украшенную железной чеканкой. Распорядившись сделать на берегу короткий отдых, пообедать, Ларион подошел к старику.

— Кто у вас старшина? — спросил Ларион.

— Борзоев.

— А где он сейчас?

— Однако где-то был...

Тут вмешался Ивашка.

— Знаешь, кто с тобой разговаривает? Илимский воевода капитан Черемисинов.

Старик рывком приподнялся, в узких глазах его метнулся испуг.

— Большой тойон, однако... — пробормотал он и заковылял в соседнюю юрту.

Вскоре не стало видно ни людей, ни стад, даже ребятишки, зыркавшие поодаль на путников, куда-то испарились.

С восточной стороны, за мелким лесом, послышались голоса. «Наверно, старшина Борзоев идет», — подумал Ларион, решивший приобрести на дороге свежего мяса.

Неожиданно, первый раз в жизни он увидел тунгусов: мужчина и женщина, диковинно разнаряженные, подъезжали верхом на маленьких, белогрудых оленях. Заметив их, Ивашка воскликнул:

— Тунгус Саунчин приехал. Со своей бабой. Ее зовут Иленгой. Это ваши ясачные, приписаны к Верхнеилимской волости.

— Как они здесь оказались?

— Они что ветер. Им путь не заказан. Пришли по Березовому хребту.

Таежные пришельцы оставили оленей у коновязи. Первой подошла молодая, со смуглым румянцем тунгуска, была она в парке, обшитой по краям черным мехом, с узорчатым нагрудником, на котором висели металлические бляхи. Губы у нее яркие, спелые.

Женщина протянула маленькую кисть:

— Зрасьте, капитана-воевода. Меня зовут Иленгой, или Еленкой. Я с жалобой к тебе, — голос у нее неторопливый, гортанно-певучий.

— На кого?

— Как на кого? На моего мужика (эды), на Саунчина.

При этих словах тунгус (у него мужественное с татуировкой лицо) понуро опустил голову, с макушки свисла скомканная косичка. Иленга смотрела на него осуждающе-презрительно.

— Что он натворил? — настороженно улыбнулся Ларион.

— Хак что? Прошлый зим ясак в Илимск не сдавал. А стрелял, борони бог, как шибко. Много пушнины добыл, но все пропил, холерный, окаянный. Тут, на речке Обуца, гулял, много тарасун пил. Напужай его воевода-капитана. Шибко постращай...

Глаза у воеводы посуровели.

— Ежели еще так поступит, велю в Илимск привезти и на козле плетью наказать. И чтоб с недоимкой рассчитался, — пригрозил пальцем.

— Огненный вода не буду пить, — мотает головой Саунчин, махает руками — так отмахиваются от слепней.

— Молодец! — похвалила его Иленга и сообщила: — На охоту собираемся. Битки⁵ продали, шибко хорошие! Час делов — и ведро голубики. Деньги скопили на порох, а его никто не продает... — тунгуска удрученно покачала головой.

— Я подарю вам фунт пороха, — говорит Ларион погрузневшей Иленге и велит Фекле, позвавшей его обедать, принести ящичек с огнестрельным зельем.

— Пасибо, бойе! — восклицает Иленга. — Пасибо, чулала эса (синеголубые глаза). Пайдем со мной в тайгу, — щеки Иленги еще больше зарумянились. — Чум покажу. Дорогой гость будешь.

— Приманчивая девка, — улыбается Фекла.

— Целовать буду шибко жарко. Бабий соболь посмотришь...

От этих слов Фекла побелела в смятении. В глазах Лариона играют веселые светлячки.

— Ну, и шельма! — смеется Ивашка. — У тебя же мужик есть.

— Мужик? В чуме у него еще две бабы. Старе меня. Моя — дюр-дяр, двасать.

Иленга цепко взглянула на Лариона, и ему подумалось: вот так же пристально смотрит она из-за ветвей на преследуемого зверя.

А Иленге кажется, что глаза у него, как неба окошки в глухой тайге или как сизый дым от костра.

* * *

Вторая встреча с тунгуской произошла недавно.

От деревни Жигаловой, спрятавшейся в горах на левом берегу Лены, Ларион повернул на запад, в сторону Березового хребта. Над ершистой горой выглянуло красное солнце, и тайга в серебряной кухне⁶ сдержанно преобразилась. Впереди показалась узкая долина Илги, и вдруг с угора открылась, будто весело прыгнула к нему, деревня Знаменка — так называли в народе Илимский острог, над которым вознеслись парные маковки белобокой церкви в честь «знамения пресвятые Богородицы»; правее его, на дальнем косогоре, дымил винокуренный завод.

У приказной избы топтались крестьяне, поджидая воеводу. Они знали о его приезде, солдат Савва Попов заблаговременно привез распоряжение воеводы Орленгской, Илгинской и Тутурской приказным избам: *«Еду для осмотра острогов и слобод и сведения крестьянских нужд, — говорилось в бумаге, — и через сие даю знать, что в проезде долго быть не могу, а потому крестьянам означенного острога и слобод и по тракту во всех жительствовах на случай приезда моего быть сколько можно в собрании, и также, чтоб ямишки были на месте и лошади исправные в готовности. И сим из Илимска нарочно посланному солдату Савве Попову давать одну подводку с проводником без задержания»*.

При самом подъезде крестьяне от смеха прикрывали рты рукавицами-лохмашками. Староста Захар Дружинин, обычно строго невозмутимый, шибко суетился, сдергивая со столба-коновязи рыжего кота, загнанного, подобно соболу, собаками-лайками. Кот горбился, фыркал, отбивался лапами от рукавицы Захара. Наконец староста зацепил его за лапу и хотел занести в приказную, да уж крик раздался:

— Едут!

Набатный звон сорвался с колокольни и разнесся по Илге. Захар затолкнул кота за пазуху и взял в руки хлеб-соль на деревянной тарелке, поправил на нем полотенце, расшитое петухами.

Воевода вылез из расписной кошевки, смахнул рукой ледок с усов и мшистой бородки, отросшей за дорогу. Устало улыбнулся.

— С приездом вас, ваше благородие... — староста поклонился, а кот за пазухой заупрявился, зацарапался и, высунув голову, уставил зеленые глаза на приезжего.

— Всех благодарю. За встречу. За хлеб-соль. Всем здравия желаю... — в голосе воеводы улавливалось смущение. Но вот в глазах затеплилась смешинка: — Тоже встречает? — кивнул на кота.

— Сущий разбойник, ваше благородие... — сконфузился Захар, отпустил лохматого злоумышленника и пригласил воеводу в приказную избу.

Сев за стол, воевода спросил собравшихся:

— Ну, как живете?

— Часом с квасом, а порой с водой, — донесся со скамеек шутливый голос.

Воевода повел разговор о недоимках, денежных и хлебных, и лица крестьян посерели, завяли.

— Как недоимкам не быть? — возмущается староста Дружинин. — Священник Грозин лучшую общественную землю забрал, а у нас осталась хилая, на ней один пестовник⁷ растет.

— Как же такое допустили?

— Я стал противиться, да он со своими работниками чуть не до смерти избил меня на поле. Вот осталось, — показал на лоб, где кривился шрам, делающий лицо еще более строгим, — спасибо нашим мужикам, они меня отняли... Вот такой у нас святой отец.

— А вы жаловались? — насутился воевода.

— А как же! Но разбирательство тянулось много лет, и правды я не нашел.

— И святых сатана искушает, — говорит кто-то из сидящих на задних лавках.

— Один Бог безгрешен... — слышится елеинный голос, похоже сочувствующий попу.

— Поверенный завода тоже покосы захватил, — со злостью добавляет Дружинин; шрам на его лбу шевельнулся.

— Весной отберем всю землю, все покосы, что у вас незаконно изъяли, — голос у воеводы упрямый, а глаза злые.

— Священник пусть пользуется указными доходами⁸. Направлю к вам землемера.

Крестьяне одобрительно зашевелились.

— Было бы здорово! — восклицает Дружинин.

После собрания крестьяне обступили воеводу, вели непринужденный разговор. Дружинин пригласил воеводу в гости:

— В баньке попаритесь, Ларион Михайлович...

Черемисинов согласился.

Когда шли по улице, навстречу вылетела оленье упряжка.

— Эге-хей, э-хей-хей! — послышался Лариону знакомый голос.

— Тунгуска Еленка едет, — заулыбался Захар.

Перед ними остановились олени с лоснящейся шерстью, косили на встречных черные, с глянцеви́тым оттенком глаза.

— Здравствуй, Захарка! — восклицает тунгуска, соскочив с нарт. — А это что за мужик? — показывает на Лариона рукавицей, затейливо разукрашенной.

— Это воевода. Капитан Черемисинов.